

Раздел 2

Пространство и время в художественном тексте

А.В. Гусева (*Астрахань*)
anyuta.vedenkina@yandex.ru

Онейрическое пространство в романе Э.М. Скобелева «Катастрофа»

Научный руководитель – профессор Е.Е. Завьялова

Аннотация. В данной статье исследуется онейрическое пространство в романе Э.М. Скобелева «Катастрофа», где сновидения и нереальные образы играют ключевую роль в раскрытии внутреннего мира персонажей и основных тем произведения. Анализируется, как автор использует элементы картин, возникающих в сознании спящих, для исследования подсознательных страхов и желаний героев, а также для создания уникальной атмосферы, отражающей экзистенциальные кризисы и социальные конфликты. Особое внимание уделяется символике онейрических образов и их влиянию на развитие сюжета, а также на формирование философских вопросов о времени, памяти и реальности.

Ключевые слова: сон, онейрическое пространство, онейротоп, Э.М. Скобелев, роман-катастрофа.

Категория онейрического пространства представляет интерес для исследователей в области психологии, философии, литературоведения и лингвистики. Такие учёные, как А.С. Аванесов, Н.Д. Арутюнова, М.М. Бахтин, А.К. Жолковский, Н.Ф. Калинина, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачёв, М.А. Липина, Ю.М. Лотман, В.А. Мазин, В.П. Пак, В.А. Плунгян, Ю.П. Пыхтина, А.М. Ремизов, В.В. Савельева, И.В. Страхов, Т.Ф. Теперик, И.П. Тимощук, В.Н. Топоров, Б.А. Успенский, Т.И. Цивьян исследуют и описывают онейроидные формы, которые включают изменения сознания с галлюцинациями. В литературоведении эти состояния рассматриваются как часть художественного пространства [Бахтин 1975: 307]. Однако, несмотря на исследования, в литературоведении остаются нерешёнными вопросы терминологии и критериев выделения онейрического пространства. Требуется уточнение принципов его описания и анализа.

Исследование онейрического пространства в романе Э.М. Скобелева «Катастрофа» актуально по нескольким причинам. Во-первых, творчество автора недостаточно изучено, что открывает новые перспективы для литературоведческого анализа. Э.М. Скобелев интересен как представитель литературного направления, а его произведения отражают культурные и социальные контексты. Изучение его творчества может выявить новые литературные техники, темы и символику, актуальные для

понимания культурных процессов, внести некоторые коррективы в представления о литературном процессе эпохи конца XX века. Во-вторых, исследование онейрического пространства связано с интересом к символике и образам в литературе. В-третьих, бессознательное и подсознание в литературе официально исследуются более ста лет, начиная с работ Зигмунда Фрейда и Карла Юнга. Анализ онейрического пространства поможет дать новые инсайты в использовании снов и символики для передачи эмоциональных состояний и конфликтов. Кроме того, изучение онейрического пространства предоставляет возможность применения разнообразных методологических подходов в герменевтике, включая психоанализ, структурализм и семиотику, что способствует более глубокому пониманию художественных особенностей произведения и его идейного содержания. Нарботки можно использовать в учебных курсах по литературе для анализа художественных произведений.

Для обозначения текста или его фрагмента, содержащего описание сновидения в качестве пространства, в литературоведении используются такие термины, как «онейрический текст», «онейрическое пространство» и «онейротоп» (В.В. Савельева, Т.Ф. Теперик) [Горовая 2023]. Термин «онейрический» широко применяется для характеристики жанровой специфики текстов, содержащих элементы сновидений. Считаем, что термин «онейрическое пространство» четко выделяет особенность текстов, содержащих визуальные образы сновидений и других проявлений подсознания, таких как галлюцинации, бред и гипноз, выраженные в вербальной форме.

Перечислим основные особенности онейрического пространства:

– «Сонные» образы – в таких пространствах часто встречаются яркие, абсурдные или сюрреалистические фигуры, которые могут быть трудно поддающимися логическому объяснению. Эти формы создают уникальную визуальную и эмоциональную палитру, отражающую внутренний мир персонажей.

– Нарушение временных и пространственных границ: онейрическое пространство характеризуется размытостью временных и пространственных категорий. Время здесь может протекать нелинейно, а события зачастую происходят одновременно в разных местах, что вызывает у читателя ощущение дезориентации и погружает его в состояние неопределенности.

– Эмоциональная насыщенность фокусируется на интенсивности и качестве чувств, передаваемых через сны и образы подсознания. Она касается эмоций, которые испытывают персонажи, и особенно того, насколько сильно они выражены. Следовательно, сны и образы подсознания часто служат мощным катализатором, выражая глубокие переживания персонажей, их страхи, надежды и внутренние конфликты.

Эмоциональная насыщенность онейрического пространства усиливает восприятие и позволяет читателю глубже проникнуть в моральное состояние героя.

– Психологическая глубина сосредоточена на исследовании внутренних процессов, на понимании причин поведения персонажа и раскрытии его личности. Это анализ мотивации, имманентных конфликтов, личностного роста и развития, который отвечает на вопрос, почему персонажи действуют так, а не иначе, и как их внутренний мир влияет на их взаимодействие с окружающим миром. Психологическая глубина может быть достигнута через анализ аутодиалога героя, разбор символики, поведенческих паттернов и не обязательно связана с ярко выраженной эмоциональностью.

– Символизм: сны и образы подсознания могут выступать в роли символов, обозначающих скрытые конфликты, темы и идеи произведения. Символическое значение онейрического пространства помогает читателю интерпретировать глубинные смыслы текста и лучше понять внутренний мир персонажей.

Согласно мифологическим представлениям, сон – это состояние-граница между мирами – миром реальным и миром потусторонним, миром живых и миром мертвых, а также между сознательным и подсознательным. Сон как граница является тем местом, где происходят трансформации и изменения. В этой форме пребывания человек может столкнуться с собственными страхами, желаниями и внутренними конфликтами, что позволяет ему переосмыслить свою жизнь и реальность.

В романе «Катастрофа» сон выступает в двух сопряжённых ипостасях:

– как нейтральное физиологически необходимое состояние восстановления организма, затраченных сил: *«После уколов мы проспали больше суток, – сказала Луийя, – пора повторить прием лекарств»* [Скобелев 1984];

– как следствие негативного воздействия чего-либо или само по себе состояние с отрицательной коннотацией: *«Я пожал плечами и пошел прочь. Хотелось уехать навсегда. Теперь меня все раздражало. Раздражали люди, жара, сонный город, заплеванная пристань и удушливые запахи ресторанов, где в котел шло все вплоть до лягушек, с которых повара-малайцы ловко сдирали ядовитую шкуру»* (Фромм) [Скобелев 1984].

Мы выделили 2 уровня онейрического пространства в романе Э.М. Скобелева «Катастрофа».

– *Первый* (физиологический) – самый простой, это буквально сон; ирреальность, противопоставленная действительности: *«Я рассчитывал на обстоятельный разговор, но когда ужин был окончен, осовевший*

старейшина распорядился, чтобы всем нам приготовили постели, а сам, нимало не смущаясь, улегся на циновке и тотчас же уснул» (Фромм) [Скобелев 1984].

Состояние сонливости также может быть следствием опьянения: *«Потом мы сидели на перевернутом каноэ, и опьянение океаном понемногу уступало сонливости. Кружилась голова, движение звезд представлялось мне в световых сферических кругах. Но подул ветер, начался прилив, и ко мне вернулась прежняя ясность. Я вспомнил о стихах: разве не стихия чьего-то горя понесла меня к океану?» (Фромм) [Скобелев 1984].* Здесь же можно выделить состояние постоянной сонливости как дурной симптом, признак заражения, облучения, нехватки чего-либо в организме, болезни: *«Питались мы калорийно, на этом этапе нам предписывалось восстановление нормальной жизнедеятельности. Но проходили дни – никто не избавлялся от сонливости и истеричной раздражительности: чуть что, доходило до слез, упреков и драки. Наше состояние и самочувствие не укладывалось в инструкцию» (Фромм) [Скобелев 1984].*

– *Второй* (психологический) – сон как пространство для обострения подсознательных чувств героев (страха, вины), например: *«Все чаще мне снится мертвый Дутенишзер. Он преследует меня, укоряя. Но в чем я повинна? В том, что я защищала себя?» (Гортензия) и «Ужас изводил меня. Теперь я спал, укрываясь одеялом с головой. Я задыхался и сильно потел, но дух не отступал. Он манил меня в морг, и я знал, что рано или поздно последую за ним» (Фромм) [Скобелев 1984].*

В противоположность с этим, состояние бессонницы представлено как мучительное проявление подсознательного страха или чувства вины, как, например, у Верлядски: *«Меня трясло. Но рядом было живое существо, я обнял Ненуа за плечи и, кажется, потерял сознание. Или, может быть, уснул, что в тот момент было одинаково: я уже не владел собою» и «Я убил Ненуа от страха перед разоблачением. Это самый распространенный вид убийства: спасение своей шкуры. Я ничего не придумывал, я совершил то, что ежедневно совершается вокруг... Почти неделю я не спал ночами. Истерзанный бессонницей, ополоумевший от страха, я едва дотягивал до утра, чтобы мучиться затем в клинике» [Скобелев 1984].* Герой не способен вести обычный образ жизни, спать по ночам как нормальный человек из-за страха быть разоблаченным и наказанным за содеянное преступление.

Также бессонница от чувства беспокойства одолевает и Фромма в убежище: *«Зная, что не усну, пока не выясню причину, я пошел посмотреть, что там такое. Признаюсь, мысль мелькнула, что Гортензия хочет выбраться из убежища...» [Скобелев 1984].* Примечательно, что образы во сне и в состоянии бессонницы различаются

по происхождению и функциям. Сны имеют сюрреалистический и нелогичный характер, отражая подсознательные желания, страхи и переживания. В то время как бессонница, как правило, является результатом активного сознательного процесса, в котором доминируют тревоги и неразрешенные проблемы.

В отличие от сновидений, которые могут быть яркими и экстравагантными, бессонница проявляется в виде навязчивых мыслей, повторяющихся сцен и беспокойства о будущем. Фромм, испытывая бессонницу, оказывается в состоянии постоянного внутреннего диалога, где его разум пытается найти логические объяснения и решения для своих страхов. Это становится для него своеобразным испытанием, когда каждое беспокойство и каждая неуверенность требуют внимания и анализа. В данном контексте бессонница превращается в своего рода катализатор для саморефлексии и поиска ответов на глубинные вопросы о себе и своих отношениях с окружающими. Таким образом, бессонница не только отражает внутренние конфликты Фромма, но и служит стимулом для его личностного роста. Это состояние может привести к более глубокому пониманию своих эмоций, желаний и страхов, открывая путь к возможности разрешения внутренних противоречий. В конечном итоге, борьба с бессонницей становится не просто борьбой за сон, а поиском гармонии внутри себя и стремлением к самосознанию, что подчеркивает важность осознания своих чувств и переживаний в процессе личностного развития.

Важно отметить, что больше онейротопов встречается в романе в эпизодах после случившейся катастрофы, когда жизнь героев уже поделена на до и после. Это объясняется несколькими факторами. Во-первых, психологическое потрясение и обработка травмы проявляются через хаотичные, символические и эмоционально насыщенные сны, отражающие подсознательные переживания героев. Изменение восприятия реальности приводит к размыванию границ между сном и явью, отражая дезориентацию и потерю ориентиров. Во-вторых, катастрофа ставит под сомнение ценности и убеждения, заставляя героев искать новый смысл жизни, что также выражается в снах. Символические образы в сновидениях отражают трагедию и ее последствия.

Между двух уровней – физиологическим и психологическим – расположено пограничное чувство Фромма, когда он впервые вышел из убежища и взглянул на изменившийся остров: *«Мне было это уже безразлично. Сонливость или апатия одолевали меня. Обратную дорогу мы проделали молча – в каком-то сомнабулическом состоянии. Когда мы вышли из бетонного коридора во двор сверкающего огнями замка и я, глядя на звезды, стал грудью гонять живой и живительный океанский воздух, чтобы вытеснить мертвый смрад подземелья, мне почудилось, что*

никуда я вообще-то не уходил и никакого убежища не видел. То есть, я сознавал, что ходил и видел, но было противно и горько от того сознания...» (Фромм) [Скобелев 1984]. Этот фрагмент заслуживает особого внимания, ведь здесь Фромм описывает своё положение, находящееся на границе между реальностью и иллюзией, между бодрствованием и сном. Он погружен в нечто вроде транса, где его восприятие мира и самого себя искажено.

Это «сомнабулическое состояние» можно интерпретировать как символ внутренней борьбы человека, который пытается осознать свое место в мире, но сталкивается с явным чувством безразличия и апатии. Фромм, глядя на звезды, стремится к очищению и обновлению, вдыхая «живой и живительный океанский воздух», он пытается избавиться от «мертвого смрада подземелья». Этот контраст между свежестью ночного воздуха и удушающей атмосферой подземелья символизирует борьбу между надеждой и отчаянием, жизнью и смертью. Он осознает, что покинул убежище, но это осознание не приносит ему радости, а лишь горечь. Это чувство, возможно, связано с экзистенциальными вопросами о свободе выбора и ответственности за свою жизнь.

Состояние Фромма также подчеркивает важность осознания своего существования. Он понимает, что, несмотря на физическое перемещение, его внутренняя форма остается неизменной. Вероятно, это метафора для многих людей, которые, несмотря на изменения в их жизни – будь то смена места жительства, работа или отношения – продолжают ощущать ту же самую душевную пустоту или недовольство. Так, пограничное состояние Фромма становится отражением более широкой темы человеческой экзистенции: поиска смысла в мире, где порой все кажется бессмысленным. Это может служить катализатором для глубоких размышлений о том, что значит быть живым, как справляться с потаёнными демонами и как найти свой путь в мире, полном противоречий.

Важно также учесть, что к онейрическим состояниям, для которых характерны различные виды искажения реальности, относятся видения, галлюцинации, бред. Их сопровождают всяческие ощущения (визуальные, темпоральные, пространственные, слуховые, тактильные и другие). Границы между онейрическим пространством и реальным могут стираться или исчезать. Это особенно отчетливо прослеживается у героев романа «Катастрофа» после случившейся бомбардировки, например: *«Белые фигуры приближались. Одна из них взмахнула рукой – изрыгнулась молния, прямая, как солнечный луч, и тонкая, как бельевой шнур. Может быть, это был импульс лазерного луча большой мощности. Будто сквозь сон я услышал треск и падение обвалившихся кусков камня. И еще голос: "Это уже падаль, экономя заряды!"»*, *«Во мне боролись два желания: одно –*

спать и второе – немедленно подняться. Не хотелось тревожить вымотанное тело, и вместе с тем будто какой-то голос твердил, что должна случиться беда. Луийя впоследствии говорила, если бы я не встал, сон затянулся бы на целую вечность...» (Фромм) [Скобелев 1984].

Персонажи романа нередко ссылаются на галлюцинации и видения, например, Фромм в разговоре с адмиралом Такибае: *«Магнетически цепкие глаза глядели в упор и вместе с тем внутрь меня. Казалось, адмирал прочитывал в тайниках моего сознания все затаенные мысли и оттого усмехался. Вместе с тем я увидел, что в глазах Такибае как бы светятся глаза еще одного человека. Я бы приписал галлюцинацию опьянению, если бы не был в ту минуту совершенно трезв. Хмель выскочил из моей головы – от страха. Слава богу, роботы-президенты еще не перешагнули обложки фантастических романов, не то я был бы уверен, что передо мною отлаженный механизм, способный проникать в чужую подкорку»* [Скобелев 1984]. Гортензия всё чаще замечает у себя пограничное с реальностью состояние, уже находясь после взрыва в убежище: *«Я поняла, что у меня вновь начинаются галлюцинации и я вот-вот потеряю сознание. Чтобы не разбиться при падении, я опустила на колени. Слабость охватила меня и безразличие ко всему. Макилви говорил, что это следствие облучения, которого хватанули мы, пока добрались до тоннеля», «А может, галлюцинации – норма? Я устала, очень устала в этой кошмарной дыре, где командует отвратительный педант»* [Скобелев 1984].

Таким образом, на примере романа Э.М. Скобелева «Катастрофа» мы определили функции, которые онейрическое пространство может выполнять в литературе. Оно помогает исследовать подсознание персонажей, раскрывая их страхи, желания и конфликты, углубляя понимание их внутреннего мира. Сны способствуют развитию персонажей, помогая осознать противоречия и пересмотреть жизненные ценности. Они создают уникальную атмосферу, вызывая состояния тревоги, абсурда, покоя или гармонии, усиливая эмоциональное восприятие. Сон также часто имеет символическое значение, помогая автору передавать сложные идеи через образы и метафоры. Темы времени и памяти тесно связаны с онейрическим пространством, позволяя персонажам переосмысливать поступки, сталкиваясь с нереализованными возможностями или предвидеть будущее. Нарушение логики и реальности во снах способствуют критике существующего порядка и исследованию границ восприятия. Онейрическое пространство служит подспорьем интертекстуальности, связывая текст с другими литературными традициями и произведениями искусства через отсылки и смыслы.

Литература

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234–407.

Горовая И.Г. Средства вербализации онейрического пространства в художественном тексте // МНКО. 2023. №6 (103). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-verbalizatsii-oneyricheskogo-prostranstva-v-hudozhestvennom-tekste> (дата обращения: 18.03.2025). Загл. с экрана. Яз. рус.

Скобелев Э. Катастрофа: Роман. Минск, 1984. [Электронный ресурс]. URL: https://lib.ru/RUFANT/SKOBELEW_E/katastrofa.txt (дата обращения: 18.03.2025). Загл. с экрана. Яз. рус.